

Николай Чернышевский

О ГОГОЛЕВСКОМ
ПЕРИОДЕ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

СТАТЬИ

Москва
T8RUGRAM
2018

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Ч49

Чернышевский, Н.

Ч49 О гоголевском периоде русской литературы/ Н. Чернышевский. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. – 116 с.

ISBN 978-5-517-00071-2

Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) – русский философ-материалист XIX века, революционер-демократ, теоретик критического утопического социализма, учёный, энциклопедист, литературный критик, публицист и писатель.

«О гоголевском периоде русской литературы» – сборник критических статей о влиянии творчества Н.В. Гоголя на русскую литературу, определяющих идейно-художественные принципы «гоголевского направления» и «натуральной школы», имевшими огромное значение в литературных кругах XIX века.

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00071-2

© Т8RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

О ГОГОЛЕВСКОМ
ПЕРИОДЕ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Содержание

Очерк гоголевского периода русской литературы	7
Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем	67
Сочинения Гоголя, томы V и VI.	89
Примечания.	103

ОЧЕРК ГОГОЛЕВСКОГО ПЕРИОДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В древности, о которой сохраняются ныне лишь темные, неправдоподобные, но дивные в своей невероятности воспоминания, как о времени мифическом, как об «Астрее», по выражению Гоголя, — в этой глубокой древности был обычай начинать критические статьи размышлениями о том, как быстро развивается русская литература. Подумайте (говорили нам) — еще Жуковский был в полном цвете сил, как уж явился Пушкин; едва Пушкин совершил половину своего поэтического поприща, столь рано пресеченного смертью, как явился Гоголь — и каждый из этих людей, столь быстро следовавших один за другим, вводил русскую литературу в новый период развития, несравненно высшего, нежели все, что дано было предыдущими периодами. Только двадцать пять лет разделяют «Сельское кладбище» от «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Светлану» от «Ревизора», — и в этот краткий промежуток времени русская литература имела три эпохи, русское общество сделало три великие шага вперед по пути умственного и нравственного совершенствования. Так начинались критические статьи в древности.

Эта глубокая, едва памятная нынешнему поколению древность была не слишком давно, как можно предполагать из того, что в преданиях ее встречаются имена Пушкина и Гоголя. Но — хотя мы отделены от нее очень многими годами, — она решительно устарела для нас. В том уверяют нас положительные свидетельства почти всех людей, пишущих ныне о русской литературе, — как оче-

видную истину повторяют они, что мы уже далеко ушли вперед от критических, эстетических и т. п. принципов и мнений той эпохи; что принципы ее оказались односторонними и неосновательными, мнения — утрированными, несправедливыми; что мудрость той эпохи оказалась ныне суесловием и что истинные принципы критики, истинно мудрые воззрения на русскую литературу — о которых не имели понятия люди той эпохи — найдены русскою критикою только с того времени, как в русских журналах критические статьи начали оставаться неразрезанными.

В справедливости этих уверений еще можно сомневаться, тем более что они высказываются решительно без всяких доказательств; но то остается несомненным, что в самом деле наше время значительно разнится от незапамятной древности, о которой мы говорили. Попробуйте, например, начать ныне критическую статью, как начинали ее тогда, соображениями о быстром развитии нашей литературы — и с первого же слова вы сами почувствуете, что дело не ладится. Сама собою представится вам мысль: правда, что за Жуковским явился Пушкин, за Пушкиным Гоголь, и что каждый из этих людей вносил новый элемент в русскую литературу, расширял ее содержание, изменял ее направление; но что нового внесено в литературу после Гоголя? И ответом будет: гоголевское направление до сих пор остается в нашей литературе единственным сильным и плодотворным. Если и можно припомнить несколько сносных, даже два или три прекрасных произведения, которые не были проникнуты идеею, сродною идее Гоголевых созданий, то, несмотря на свои художественные достоинства, они остались без влияния на публи-

ку, почти без значения в истории литературы. Да, в нашей литературе до сих пор продолжается гоголевский период — а ведь уж двадцать лет прошло со времени появления «Ревизора», двадцать пять лет с появления «Вечеров на хуторе близ Диканьки» — прежде в такой промежуток сменялись два-три направления. Ныне господствует одно и то же, и мы не знаем, скоро ли мы будем в состоянии сказать: «начался для русской литературы новый период».

Из этого ясно видим, что в настоящее время нельзя начинать критических статей так, как начинали их в глубокой древности, — размышлениями о том, что едва мы успеваем привыкнуть к имени писателя, делающего своими сочинениями новую эпоху в развитии нашей литературы, как уже является другой, с произведениями, которых содержание еще глубже, которых форма еще самостоятельнее и совершеннее, — в этом отношении нельзя не согласиться, что настоящее не похоже на прошедшее.

Чему же надобно приписать такое различие? Почему гоголевский период продолжается такое число лет, какого в прежнее время было достаточно для смены двух или трех периодов? Быть может, сфера гоголевских идей так глубока и обширна, что нужно слишком много времени для полной разработки их литературою, для усвоения их обществом, — условия, от которых, конечно, зависит дальнейшее литературное развитие, потому что, только поглотив и переварив предложенную пищу, можно алкать новой, только совершенно обеспечив себе пользование тем, что уже приобретено, должно искать новых приобретений, — быть может, наше самосознание еще вполне занято разработкою гоголевского содержания,

не предчувствует ничего другого, не стремится ни к чему более полному и глубокому? Или пора было бы явиться в нашей литературе новому направлению, но оно не является вследствие каких-нибудь посторонних обстоятельств? Предлагая последний вопрос, мы тем самым даем повод думать, что считаем справедливым отвечать на него утвердительно; а говоря: «да, пора было бы начаться новому периоду в русской литературе», мы тем самым ставим себе два новые вопроса: в чем же должны состоять отличительные свойства нового направления, которое возникнет и отчасти, хотя еще слабо, нерешительно, уже возникает из гоголевского направления? И какие обстоятельства задерживают быстрое развитие этого нового направления? Последний вопрос, если хотите, можно решить коротко — хотя бы, например, и сожалением о том, что не является новый гениальный писатель. Но ведь опять можно спросить: почему же он не является так долго? Ведь прежде являлись же, да еще как быстро один за другим — Пушкин, Грибоедов, Кольцов, Лермонтов, Гоголь... пять человек, почти в одно и то же время — значит, не принадлежат же они к числу явлений, столь редких в истории народов, как Ньютон или Шекспир, которых ждет человечество по нескольку столетий. Пусть же теперь явился бы человек, равный хотя одному из этих пяти, он начал бы своими творениями новую эпоху в развитии нашего самосознания. Почему же нет ныне таких людей? Или они есть, но мы их не замечаем? Как хотите, а этого не следует оставлять без рассмотрения. Дело очень казусное.

А иной читатель, прочитав последние строки, скажет, качая головою: «Не слишком-то мудрые вопросы; и где-то